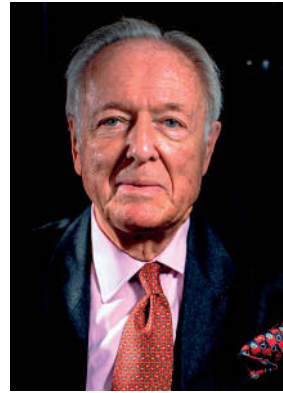
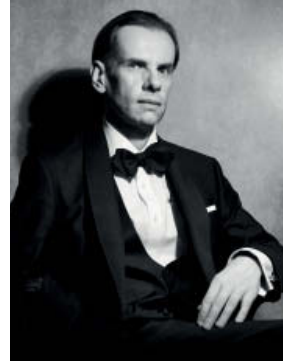

Андрей Маруденко беседует с князем Н. Д. Лобановым-Ростовским ¹

Андрей Маруденко – политический консультант, общественный деятель, публицист, Москва.

Никита Дмитриевич – человек крайне разносторонний, кладёшь знаний, связей и опыта. С ним можно говорить на любые темы – от искусства и этикета до вопросов мирового шпионажа, политики в Афганистане и влияния семьи Ротшильдов. В нём – энциклопедия нашего времени. Поэтому нам – тем, кто его хорошо знает, важно запечатлеть этот исторический слепок середины XX и начала XXI веков. Свидетельства Никиты Дмитриевича неожиданно приоткрывают завесу многих событий, что позволит будущим поколениям увидеть в нюансах это время таким, каким его видел наш дорогой князь. Этим я и руководствовался в создании книги «Диалоги с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским», часть из которой представлена здесь вашему вниманию.

ДиалогИ

Разведчики

– Есть широкое понятие, подходящее к нашему разговору – «английское лицемерие». Что это такое?

– Это связано с этикетом. Англичанину, наверное, легче соврать, чтобы не сорвать приятную атмосферу и продолжить разговор. Английские дипломаты настолько хороши потому, что с улыбкой говорят абсолютную ахинею. Чем они отличаются от многих российских дипломатов, чьи лица похожи на кирпич. По-турецки, «гион сурат» – лицо-подошва. Этим же отличаются опытные советские разведчики от обычных. Опытные советские разведчики, которых было не много, были светскими людьми. Вспомним советского дипломата Анатолия Добрынина, который служил послом в США 24 года. Или его предшественника Михаила Меньшикова. Его прозвище было Smiling Mike. Он постоянно улыбался и мог излагать неудобные предложения, не раздражая оппонента. Как и посол в Лондоне Александр Яковенко. Этим они отличаются от многих современных послов МИДа. Настоящий разведчик выглядит как Ким Филби или Леонид Решетников – генерал-лейтенант СВР, резидент в Софии при после А. А. Авдеева. Он похож на Сергея Нарышкина – вот класс человека, который мог бы возглавить МИ-6 или ЦРУ – умный, образованный, улыбающийся джентльмен.

– Никита Дмитриевич, а кого-то из беглых русских шпионов Вы знали?

– Да, конечно, мы общались с советскими шпионами. В том числе с Виктором Суворовым, бывшим представителем ГРУ в Женеве. Суворов – его литературный псевдоним, а настоящее имя – Виктор Резун. Он изумительно интересный человек. Он очень хороший актёр, общительный, улыбающийся, хорошо говорит, у него изумительная память, как у всех чекистов. Он приходил к нам ужинать, и это всегда было интересно.

В отличие от него Олег Гордиевский – совершенно иной человек по характеру. Мы его пригласили на вечер, куда позвали и английского дипломата Майкла Дженкинса, который говорит по-русски. Мы дружили с ним и его супругой. Я не подозревал тогда, что он сотрудник МИ-6. Мы пригласили его не только как друга семьи, но и в качестве председателя авиационной компании «Боинг Великобрита-

¹ Отрывки из книги Андрея Маруденко «Диалоги с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским».

*С. Е. Нарышкин приветствует Н. Лобанова
в помещении Русского исторического общества.
Москва. 2020*

*Посол А. Яковенко
вручает награду Н. Лобанову.
Лондон. 2016*

ния», ибо в этот день Сергей Кравченко, глава «Боинг РФ», был проездом в Лондоне, и мы решили, что им было бы приятно встретиться у нас.

Гордиевский пришёл первым, точно в восемь часов вечера. Дженкинс пришёл на семь минут позже. Когда он вошёл в гостиную, я был сзади, а Гордиевский спереди. Они увидели друг друга и обнялись. Ну что это такое? Потом, после ужина, когда мы курили сигары, я спросил его: «Майкл, откуда вы знаете его?» Он сказал мне, что беседовал с Гордиевским, проводил так называемый дебрифинг, проще говоря – допрашивал после успешной эксфильтрации Гордиевского из Москвы сотрудницей МИ-6. Гордиевский – интересный человек, но он по характеру сдержанный, не актёр.

Они оба живут под большим напряжением. Я наивно спросил Суворова, как же его наши не прихватили. Он сказал, что он живёт на военной базе, которая охраняется электронно в радиусе 25 километров. Я думаю, что если бы хотели его схватить, то, какие бы ни были охраны, схватили бы. Но по какой-то причине эти два перебежчика, с которыми я с большим интересом общался, живы, здоровы и на свободе.

– У Вас не было ощущения надрыва в них? Они же общались с Вами как с русским человеком. Не было ощущения, что они хотят как-то оправдаться?

– Суворов абсолютно расслаблен, он замечательный актёр, а у Гордиевского явно что-то такое есть. К тому же он расстался с женой, у него жизнь личная сложилась плохо. Суворов сбежал семейно, так что у него всё в порядке.

Клубы

– Ким Филби, как известно, был членом клуба Уайтс. Интересно, что, как пишут исследователи, претензия к Филби была не столько в том, что он предал родину, а в том, что он предал свой класс и свой клуб. Поэтому его друзья в МИ-6, которое состояло тогда во многом из людей высшего круга, так долго не хотели признавать очевидное и отражали нападки контрразведки МИ-5, где работали тогда в основном представители среднего класса, и это был в некотором роде классовый конфликт.

– Более того, его друг, разведчик из МИ-6 Николас Эллиотт, посланный за ним в Бейрут, помог ему уплыть в СССР. С целью избежать его публичного разоблачения как человека высшего класса.

– Вы говорите, что о политике в клубе Уайтс не говорят. А чем Ким Филби там занимался?

– Андрей, я понимаю ваш вопрос, потому что мы живём в разных странах с разными социальными привычками. Для англичанина высшего общества мой ответ очевиден. Уайтс – клуб высшего общества, и говорить о деньгах и о политике в клубе неуместно. Джентльмен ходит в клуб, чтобы отойти от всей этой пошлой части жизни. Он говорит об общепринятых интересных вещах, таких

*Генерал-лейтенант СВР
Леонид Петрович Решетников и Н. Лобанов.
Париж, 2012*

*Сергей Кравченко и Н. Лобанов.
Офис «Боинга» на Тверской у почтамта.
Москва. Август 2016*

как охота, рыбная ловля, путешествия. А политикой занимаются люди в других местах. Беседуют о политике, например, в политических клубах на Палл Малл и в районных клубах трудящихся за кружкой пива.

Так же и в клубе Бакс, о котором вам рассказывал. Я никогда не мог бы, сидя за общим столом с Гарольдом Макмилланом, говорить о политике. Это французы называют «не комильфо». Мы говорили с ним о качестве разных видов кубинских сигар, бургундских винах. Но о политике было бы неприлично с ним разговаривать в клубе. Как неприлично было бы говорить в клубе на сексуальные темы с любым представителем высшего класса такого уровня.

– Разве клуб – это не удобное место для решения политических вопросов?

– Есть политические клубы, где люди обсуждают политику. Но это не тот уровень. Мы же говорим об элитарном виде клубов.

– Вы хотите сказать, что в таких клубах, как Уайтс, никто не обсуждает, как наложить санкции на Россию или на Иран?

– Нет, конечно. Я не мог бы даже подумать, что я могу говорить о политике на светском приёме в Уайтс или в доме на Манхэттене с Алленом Даллесом. Меня просто больше не пригласили бы в этот дом. Нельзя в светском обществе говорить о политике. По крайней мере в моё время, пятьдесят лет назад, так было.

Сегодня в правительстве Соединённых Штатов абсолютная шпана. Но во время Рузвельта, Эйзенхауэра, Даллеса это были представители выдающихся семей. Политики, когда выходят в свет, идут туда с целью развлечься. Туда, где можно отдохнуть, отвлечься и разговаривать о вещах, которые интересуют большинство светских людей, а именно о выставках, искусстве, о том, какие сегодня спектакли в театре, балете и опере, о новых книгах.

– То есть клубная жизнь – область досуга и отдыха. Человек приходит в клуб переключиться и отдохнуть.

– Да.

– В России в политических кругах есть такое представление, что настоящая мировая политика делается в клубах. Неужели это совсем не так?

– На проспекте Палл Малл, как мы говорили выше, есть и политические клубы. Это совсем другое. Но мы говорим о светских клубах.

– Я понимаю, что Вы имеете в виду. Но поскольку мы говорим о клубах, где собирается элита, значит элита может использовать клуб для кулуарных разговоров.

– Я тогда должен добавить, чтобы было ясно. Конечно, если глава МИ-6 хочет с кем-нибудь конфиденциально поговорить, он его может пригласить в отдельный кабинет в Уайтс и в светской суматохе вокруг с ним что-то незаметно обсудить. Но это не значит, что это норма клуба. Потому я предполагаю, что если Борис Джонсон как член клуба хочет два-три слова сказать, зная, что его не запишут, то он пригласит кого-нибудь для этого в свой клуб Уайтс.

- *Речь идёт всё же о том, что клуб создаёт определённый уровень приватности.*
- Конечно. Но главное, что он даёт возможность человеку отойти от супруги, детей, политики и просто уйти из дому, как уходил из дому Лев Толстой, чтобы не слышать гула семьи. Откушать, курнуть гаванскую сигару, выпить портвейна или хереса, поговорить о книгах и почитать четыре толстые ежедневные лондонские газеты.

Русская эмиграция и издательское дело

– *В 20-е годы XX века Берлин стал центром культурной, художественной и издательской деятельности русской эмиграции. Издательская деятельность была тогда там беспрецедентна по сравнению с Парижем. Почему? Ведь большая часть русской эмиграции жила в Париже.*

– Дело в том, что девальвация валюты в Германии была такова, что издательское дело, печать была очень дешёвая. Потому были такие качественные издания, как журнал «Жар-Птица». В Париже с начала 1900-х годов русские журналы и газеты печатались на политические темы. Они финансировались политическими партиями и были полемические. Даже стоимость их была в рублях, потому что их печатали для перевозки в Россию. Затем была эмиграция 1917 года, где в основном эсеры имели деньги, и газеты печатались за их счёт. Но пропорционально их было гораздо меньше, чем в Берлине, потому что французский франк был гораздо дороже, чем немецкая марка. Всё это закончилось в 1940 году, потому что большинство издательств в Париже были собственностью евреев. Многих из них посадили. Вы знаете, наверное, что русские спасали евреев, записывая их у себя работниками в типографии под русскими фамилиями.

– *В Лондоне же было не так много русских эмигрантов, насколько я знаю?*

– Лондон не подпускал эмигрантов. Никого. Мне же не разрешили остаться в Англии. Даже Уинстон Черчилль в парламенте встал за меня. И не разрешили. Не пускали в Англию беженцев. Пускали только людей с деньгами и ближайших родственников.

Франция же была единственной страной в Европе, где в конституции гласило, что любой беженец, вошедший на территорию Франции, может остаться там пять дней и доказать причину, почему Франция может его принять. В случае отказа Франция обязана его выслать, но не через ту границу, через которую он пришёл, а через границу нейтральную. Потому был такой поток во Францию после 1917 года.

– *Каким образом Уинстон Черчилль появился в Вашей жизни?*

– Вы помните, моя крёстная мать – Катя, урождённая Ридли, внучка последнего царского посла в Англии барона Будберга. Её мать вышла замуж за известного английского банкира сэра Джаспера Ридли, который заведовал банком Coutts, королевским банком. Джаспер Ридли был консерватором и соратником Черчилля. И Катя попросила сэра Джаспера, чтобы тот попросил Уинстона Черчилля, который был тогда депутатом. Он отозвался на просьбу друга помочь мне с видом на жительство в Англии, но британский Хоум-офис ему отказал.

Лорд Джейкоб Ротшильд

– *Вы мне рассказывали, что перестали общаться с Джейкобом Ротшильдом.*

– Я перестал уважать Джейкоба, когда он кинул Ходорковского. Как и сын его Натан, который тоже его кинул. При том что вместе они делали нефтяные проекты. Вообще евреи кидают еврея не так часто. Ходорковский вложил 10 миллионов фунтов в благотворительную организацию, созданную Джейкобом. Его цель была – поддерживать филиал Эрмитажа в одном из помещений Сомерсет-хаус на проспекте Стрэнд в Лондоне. Конечно, это крошечная сумма для гангстера Ходорковского, который легально в те времена присвоил часть советского достояния. Как вы знаете, я в детском возрасте просидел год в болгарской тюрьме, и как бывший зек я являюсь приверженцем соблюдения таких привычек узников, как правило «не кидать своих». И продолжаю уважать этот принцип.

Мы не прекратили с Джейкобом общаться, но моё личное уважение к нему исчезло. А сейчас он редко покидает свой замок Ваддесдон. На общественных тусовках он просто не бывает.

Такое деловое отношение я заметил и в бизнесе. Когда меня нанимали в Де Бирс, то его директор Тедди Доу спросил меня об их представителе в Монровии Джулиусе Белчере: Is he an honest crook or is he a dishonest crook? (Он порядочный мошенник или не порядочный мошенник?) Я ему ответил: He is a dishonest crook. (Он не порядочный мошенник.) Я знал Белчера, потому что он был и перекупщиком золота. Я недолго жил в Монровии и с ним имел дела по золоту.

– Вы мне рассказывали как-то историю про картины Бакста, которыми владела тётушка Джейкоба.

– Да, моя бывшая супруга Нина описывает это в длинной статье. Я найду её и вам пришлю. Мы дружили с Долли – тётушкой Джейкоба, у которой в Лондоне был особняк. На той же улице, где гостиница «Ритц», с видом на Грин-парк. Она была богатейшая. Джейкоба по одной или другой причине не любила. Её супруг заказал у Бакста панно для облицовки стен столовой. Эти картины украшали их столовую. На теме Бакста мы и подружились с Долли, потому что она знала, что мы коллекционеры.

– Богатая тётушка Долли – образцовая героиня английского сериала типа «Дживс и Вустер».

– Мы ходили к ней пить чай. На этих картинах с сюжетом «Спящей красавицы» изображены все члены их семьи и сам Бакст. Вышло так, что, когда она скончалась, она оставила 76 миллионов фунтов и особняк Джейкобу, у которого тогда уже было своё состояние. Затем он его умножил на успешных финансовых операциях. А картины она завещала музею Тель-Авива. В итоге негодующий Джейкоб как-то уговорил музей Тель-Авива продать ему картины и перевёз их к себе в Лондон.

– У него в спальне висит «Синяя султанша» Бакста, как Вы говорили. И такая же у Вас.

– Да, Бакст сделал копию этой картины, которая висит у Джейкоба. Копия картины была воспроизведена без подписи в парижском журнале «L'Illustration» за 1927 год. Она была выставлена на аукционе Сотбис. Как вы знаете, иногда можно прийти в аукционный дом и сказать, что вы до аукциона готовы купить картину за определённую цену. Так поступил Усманов на Сотбис с собранием Мстислава Ростроповича. Иногда продавец соглашается, потому что ему лучше заручиться деньгами сейчас, чем рисковать на аукционе. Среди картин, которые я тогда купил, был этот эскиз Бакста. Почему я взял риск купить неподписанную картину в раме под стеклом? Потому что я видел, что это подлинный рисунок. Придя домой, я вынул эскиз из рамы. На обороте была подпись Бакста карандашом. Плюс там был ярлык мужа племянницы Бакста – господина Разамата, который был представителем Бакста по торговым делам. Так мне и удалось за подходящую мне цену стать собственником этого шедевра.

Леон Бакст. Синяя султанша